

Вайнеры - братья

«Большой и страх. Они бесновались и ревели во мне. Я чувствовала, как непрерывно пухну, отекаю, непомерно расту — я уже была больше автобуса, больше города, я была размером с мир. И вся полна моими отвратительными детьми, которых звали Боль и Страх».

«Мы — страховые агенты. Ох, и нагнали страху на всю страну, всю житуху державы превратили в сплошной страховой случай, скромное страховое общество «Россия» преобразовали во всемогущее Российское Общество Страха».

Госстрах. Госбезопасность. Госужас.

Одно плоховато: застраховав всех, мы и себя запугали до смерти. Пугая других, сами стоим по горло в ледяной каше ужаса. И никому, и никогда нет отсюда выхода — страховка пожизненная и охватывает все: имущество, волю, членов семей, здоровье и жизнь».

БОЛЬ И СТРАХ — слова, повторяющиеся в тех или иных вариациях на страницах диалогии братьев Вайнеров «Петля и камень в зеленой траве» и «Евангелие от палача». У нее своя судьба. Романы, написанные в конце 70-х годов, лежали в «столе», притом не дома, а в другом месте, не отсылались в редакцию, не отдавались на читку знакомым (кроме разве что самых близких людей), и даже фотоленка с зашифрованным текстом надежно была укрыта. Мастера детективного жанра оставались верны ему, вынужденно внеся в свою жизнь тайну, до времени не подлежащую разглашению.

И вот время это наступило. Роман «Петля и камень...» недавно выпущен издательством «ИКПА», другой роман тоже вскоре должен появиться.

О ЧЕМ ЖЕ ДИЛОГИЯ, достаточно неожиданная для творчества Аркадия и Георгия Вайнеров, упорно торящих свою литературную тропу, давно работающих в одном направлении? Она, как говорят сами авторы, вобрала в себя две самые запретные, самые острые, самые «неприкасаемые» темы: беззаконную деятельность органов госбезопасности и «еврейский вопрос». Герой «Петли и камня...», литератор Алексей, пытается разобраться в обстоятельствах гибели великого актера и крупного общественного деятеля Соломона Михоэлса и едва прикасается к тщательно скрываемым (и по сей день... А. Г.) деталям злодейского убийства, тут же ощущает «заинтересованное внимание» КГБ, которое вполне может обернуться гибелью для него самого. Как обернулось гибелью для его свод-

ного брата Шурика и «психушкой» для любимой женщины Улы.

В «Евангелии от палача» рассказывается о так называемом «деле врачей» конца 40-х — начала 50-х годов. Участвовавшему в стряпани липового «дела» офицеру госбезопасности Хваткину в отличие от его друга Рюмина удалось избежать заслуженной кары, он стал «ученым» — юристом, занимается положение в обществе, продолжает пользоваться благами. И делает все возможное, чтобы не всплыла правда о его прошлом. Во имя этого не останавливается Хваткин даже перед убийством. Фантастические картины, рождающиеся в его отравленном алкоголем мозгу, горячечный бред преступника, чьи руки обгажены кровью многих жертв, приоткрывают душу мелкого беса, предугаданного Достоевским. Мелкого беса, мучившего, насиловавшего, убивавшего не из внутренней садистской потребности, а как бы выполнявшего работу, доверенную ему Системой крайнего аморализма, цинизма и вседозволенности.

И еще страха. Липкий, ползучий, цепеняющий страх испытывают не только жертвы Системы, но и палачи — всемогущий министр госбезопасности Абакумов, редактор умилец по части фабрикаций «дел» Минька Рюмин, холодный изувер Лютостанский, умный циник Крутованов, редкостный приспособленец Хваткин и десятки им подобных — лица реальные и вымышленные, вобравшие черты многих. Каждый боится своих сослуживцев, вышестоящего начальника, и все вместе — великого Пахана, умело дергающего за ниточки исполнительных марионеток, играющих отпущенные им роли в

чудовищном безантратном спектакле черной эпохи. И даже когда начинает рушиться их власть, когда бериевской шатни приходит конец, то и тогда страх оказывается сильнее, парализует их сопротивление. Страх — основа основ, движущая сила, катализатор Системы.

Вот как говорится об этом в «Евангелии...»: «Смешно, что в руках бериевских кровожадных бойцов было три четверти сил самого страшного карательного механизма в мире, и им достаточ-

но было лишь быстро и легонько обернуться — не только от Маленкова с его компанией, но и от самого полудухлого дедугана Соко Джугашвили не осталось бы вонючего пара. Но универсальность этой гениальной бесовской машины и состояла как раз в том, что они не могли сговориться между собой даже перед реальной угрозой их общей катастрофы... Ибо знали — стовариваться нельзя! Тридцать лет с лишним — без выходных, каникул и праздников — они изо дня в день существовали удивительной жизнью, которая полностью, всецело, тотально состояла из лжи, вероломства, обмана, интриг, корыстного доноительства, всеобщего предательства, обязательного лицемерия, лживого криводушия, лакейской униженности и палаческой безжалостности. И усвоили, как «Отче наш», — любой человеческий поступок, любое нормальное душевное проявление караются тюрьмой и смертью».

Но было бы явным упрощением сводить суть диалогии только к художественному описанию и разоблачению былых преступлений госбезопасности. Романная нить, как нить Ариадны, тянется в наше время, она ведет нас по темным зловещим закоулкам Конторы на Лубянской площади, где еще совсем недавно творились преступления против инакомыс-

лящих, так называемых диссидентов, где продолжают цепко хранить свои досье и каждого, вроде писателя Алексея, покушающегося на обнародование документов хотя бы одного из таких досье, готовы сделать жертвой провокации, растоптать и уничтожить. И тот же липкий, ползучий, цепеняющий страх — как бы не выплыло наружу хотя бы немногое, творящееся за закрытыми дверями Конторы.

Более всего они боятся огласки. Ибо за все тогда придется

равдывать один-единственный аргумент, снимающий всякую личную моральную ответственность: виноваты не мы, виновата Система, выпестовавшая нас. Многие гитлеровские преступники на судах оперировали именно таким аргументом, пытаясь уйти от наказания. А сталинские, брежневские преступники, какой моральной, нравственной мерой судить их сегодня? И надо ли судить? Пусть каждый задумается над этим, попробует найти свой ответ.

«Вы воспитали наследственный ген ужаса!» — восклицает один

театрального критика Голубова-Потапова превращать в мифического Моисея Гинзбурга, да еще и приписать ему слежку за Михоэлсом и стукачество. К тому же еврейское гетто в Минске и улица Немига, где по воле авторов убили артиста, находятся не у вокзала, как сказано у Вайнеров, а в прямо противоположной стороне.

ДИЛОГИЯ приходит к нам с опозданием в доброе десятилетие. В своем предисловии авторы оговариваются: они отклоняли «лакомые предложения западных издателей — это уже был горький урок Синявского и Даниэля». Да, передача рукописей за рубеж в те недалекие от нас годы была чревата большими неприятностями, а то и отсидкой. Тем более речь шла о романах, где Контора была описана теми красками, каких заслуживала. Наивно и смешно задним числом призывать писателей к самоубийственной смелости. И много ли было таких смельчаков. Как поступать с рукописями — суверенное право их создателей. И однако горько вновь и вновь повторять заезженное: «Рукописи не горят». Горят и еще как! А если не горят, если подолгу сберегаются в потаенных архивах, то, явившись читателям, в той или иной мере теряют актуальность, остроту, живую связь с напитавшим их временем. Такова, увы, неизбежная плата за осмортельность.

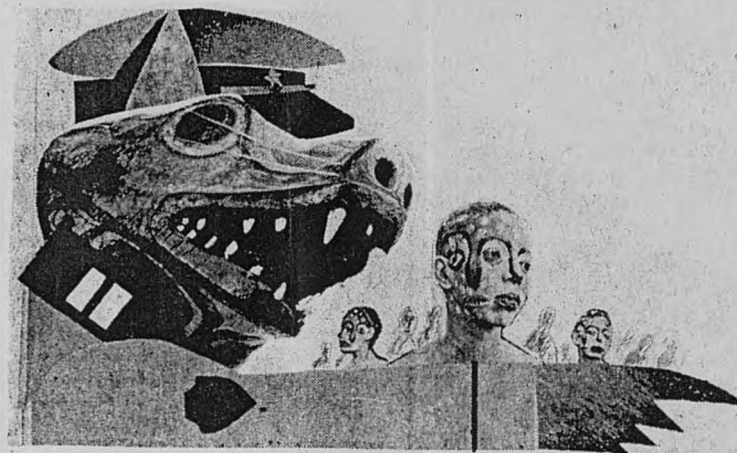
С диалогией Вайнеров такого по большому счету, к счастью, не произошло. Однако, будь она напечатана 12 или хотя бы 10 лет назад, несомненно, стала бы явлением, ибо все равно попала бы на родину, разошлась в самиздатских ксеро- и машинописных копиях. Теперь же мы рассматриваем дилогию, невольно дистанцируясь от нее прожитыми перестроечными годами, уже многое узнав о реальных событиях, которые легли в основу романов. Признавая очевидную устремленность романов в день сегодняшнего, мы лишь сожалеем (все понимая и ни в чем, упаси Бог, не упрекая авторов), что радость их чтения и узнавания не посетила нас раньше на десятилетие.

Давид ГАЙ.

ОБЩЕСТВО СТРАХА

Вет. Москва. - 1991. - 244 стр. - 5.6

Мысли по поводу новой диалогии братьев Вайнеров, и не только о ней

сполна ответить. И потому находит полковник Хваткин для себя и своей «деятельности» спасительные оправдания. Он рассуждает на эту тему: «Мы все не виноваты. Жизнь тогдашняя виновата, если жизнь вообще может быть виновна. Правильная она была или неправильная — глупо об этом теперь рассуждать, ее ведь не переделаешь. И тогда ее было не изменить...».

Закон сохранения вины. Существует ли он вообще в природе, подвластен ли, подчинены ли ему все мы — дети бесчеловечного строя? Или всех нас, правых и неправых, жертв и палачей, оп-

Диалогия помогает найти его, этот ответ. Она — не о прошлом, она о нас с вами, об обществе, которое пытается стать правовым. Доживают еще среди нас хваткины и крутовановы, бывшие палачи и их подручные. Живут и действуют те, кто в доперестроечные и в первые перестроечные годы истово боролся с диссидентами, выкорчевывал инакомыслие, получал за это награды, повышения по службе, кто и сегодня готов вернуть все на круги своя. Невозможно исчислить все их жертвы, количество покаянных, исковерканных ими судеб. Общество оказалось поисти-

из персонажей диалогии, обращаясь к Хваткину. Понадобятся десятилетия, пока этот ген ужаса и страха естественным природным способом будет заменен другим — геном свободного духа.

Романы братьев Вайнеров работают на выработку такого гена. **НЕ БУДУ** проводить литературоведческого, эстетического анализа диалогии. Это дело профессиональных критиков. Позволю высказать лишь несколько частных замечаний. Пуристы выскажут, наверное, неудовольствие весьма обильным использованием словаря арго. Меня, впрочем, эти словечки не коробят и не шокируют, органично вписываясь в контекст. И впрямь, каким еще языком, как не полуматерным, должны были изъясняться не шибко грамотные оперы и следователи Лубянки?

Авторы чрезмерно увлечены описаниями «подвигов» героев на питейном и любовном поприще. В этих сценах есть известная повторяемость. Хотя ценители эротики найдут для себя в романах немало сцен, отнюдь не страдающих дурным вкусом.

Те, кто выше всего ставит правду документа, факта, неопровержимого свидетельства (автор этой статьи относит себя к таковым), поспорят с братьями Вайнерами о том, стоило ли реальную фигуру убитого вместе с Михоэлсом